

European Journal of Psychological Studies

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2409-3297
2020. 8(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Lukyanov Oleg – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation (Editor in Chief)
Bogomaz Sergei – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Čičkušić Emir – International Burch University, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina
Kolesnik Irina – Institute of Ukrainian History, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Oesterdiekhoff Georg – Karlsruhe Institute for Technology, Germany
Sarfo Jacob – School of Humanities and Sciences, All Nations University College, Eastern Region, Ghana
Volodarskaya Elena – S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Journal is indexed by: **CiteFactor**, **CrossRef**, **Journal Index**, **Open Academic Journals Index**, **Electronic scientific library**, **Sherpa Romeo**.

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska
str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak
Republic, 831 04

Website: <http://ejournal12.com>
E-mail: aphr.sro@gmail.com

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Release date 15.09.20
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.

Order № 112.

European Journal of Psychological Studies

2020

Is. 1

C O N T E N T S

Articles

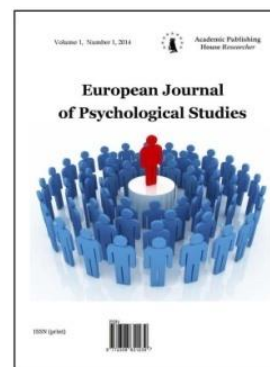
The Prevailing Family Attitudes of Spouses with a Different Type of Personality Scenario E.S. Medvedeva	3
Victimological Features of Xenophobia Among Students N.N. Teslyk, D.V. Hromyko, A.E. Lebid	10
Gender Characteristics of the Perceptual-Analytical Component of the Culture of Professional Communication of Civil Servants H.E. Ulunova, A.E. Lebid, D. Tarasiuk	17

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Psychological Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2409-3297
2020, 8(1): 3-9

DOI: 10.13187/ejps.2020.8.3
www.ejournal12.com

Articles

The Prevailing Family Attitudes of Spouses with a Different Type of Personality Scenario

Ekaterina S. Medvedeva ^{a, *}

^a Southern Federal University, Academy of Psychology and Pedagogy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

To date, the problem of the distribution of male and female roles in marriage is a pressing one. This factor is caused by the fact that there is a transformation of traditional family values, which leads to their destruction in society. The expanding globalization of the world, which is reflected in all spheres of society, also erodes centuries-old sociocultural traditions, which also affects the gender imbalance in the institution of the family. Despite the existing public position and a number of legislation to equalize the rights of men and women, there is still a gender advantage in an industry. Therefore, it becomes necessary to study the various personal and family problems affecting the harmonious development of society. The article studies the prevailing family attitudes of spouses with different types of personal scenario. It is based on generally accepted psychological methods related to the personal scenarios of couples and their family settings. The author selected an experimental group of 40 couples (40 men and 40 women) with 10 to 25 years of family life (middle and late marriage). Based on this study, the author analyses the role of conscious and unconscious attitudes in shaping perceptions of oneself related to gender identity in marital relationships. The experiment also provides an opportunity to see the distribution of roles in the family due to gender.

Keywords: personal scenario, family settings, gender, family relations.

1. Введение

Во все времена с момента возникновения человеческого общества вопрос о разделении ролей мужчин и женщин в браке являлся актуальным, причем ответ на него менялся в зависимости от формы устройства общества (матриархат, патриархат), официальной и неофициальной религии, закрепленных традиций (Калабихина, 1995). Человечество, разделенное на два пола, сталкивалось и продолжает сталкиваться с проблемами, касающимися равноправия, равноценности или разности мужской и женской ролей, каждый раз, по-разному определяя значение и ценность мужчины и женщины для общества. XX век – это революционный век, в том числе в отношении изменения представления о содержании и роли противоположных полов (Воронцов, 2003: 27-45).

* Corresponding author

E-mail addresses: katyusha.krokhmal@mail.ru (E.S. Medvedeva)

В современном обществе происходит разрушение традиционных ценностей семьи в общественном сознании. Наиболее ярко подобная тенденция отражается в ряде европейских стран в форме легализации однополых браков, течения «чайлдфри», феминистических групп, популяризации нетрадиционных отношений и других явлений схожего порядка (Джейс, 2001). В связи с этим, проблема взаимоотношений полов весьма актуальна и для социальной работы как деятельности по гармонизации гендерного аспекта человеческих отношений.

2. Результаты

В современном мире существует позиция, что права женщин и мужчин уравниваются. Однако это не всегда так, и сегодняшний уровень отношений тоже не всегда был таким. В действительности, имеет место гендерное преимущество в той или иной профессии. Например, на протяжении многих веков нечасто можно было увидеть участие женщины в государственной политике стран или на службе военной сфере. Сейчас женщины активно участвуют в работе структуры власти, особенно, их число, доходит до уровня мужчин или, даже, преобладает в работе медицинской сферы, образования, науки и социальной деятельности. При этом, несмотря на создание специальных женских подразделений в армии, приоритет в военной службе остается у мужчин (Клецина, 1998). Однако, в разных странах, статистическое соотношение мужчин и женщин в профессиональной среде главенствующая роль отдается мужчине, как главе семьи.

Мужчина всегда должен был быть ответственным за всю семью, ему отдавалась роль добытчика и защитника. В то же время, мужчина должен был учитывать и позицию жены в решении разных вопросов (Кандиоти, 1992: 156-163). В этих случаях на семейные отношения значительно влияли культурные и религиозные особенности общества. В наше время, происходит стирание границ между культурами обществ. Роль религии за последнее столетие сняли с государственной ступени и отнесли к уровню общественной организации. Изменения можно увидеть и в семейных отношениях. Проблемным выглядит вопрос о расширении прав на однополые отношения. Особенно в европейских странах прослеживается ассимиляция гендерных различий.

Вышесказанное приводит к пониманию, что данная проблематика на сегодняшний день остается малоизученной, и не смотря на свою остроту не решается в общественных дискуссиях. В связи с этим, автором ставится задача изучить личностные особенности людей, состоящих в браке, их позицию и установку к выбору роли в супружеских отношениях.

По мнению психолога С.Н. Петросьян личностным сценарием является форма экспансии и персонализации личности во внешнем пространстве, связанная с занимаемой ею позицией в отношениях, сформированной в результате получаемого жизненного опыта в характерологическое новообразование, встроенное в структуру личности (Петросьян, 2016). Адъюнкт-профессор психологии Калифорнийского политехнического университета Ш. Берн определяет это как план жизни, который начинает складываться ещё в детстве под значительным влиянием родителей, и в качестве сильного психологического заряда направляет человека к его судьбе и лишает его порой возможности сопротивляться и свободно выбирать (Берн, 2001).

Под семейными установками понимается направленность супругов к выполнению тех или иных семейных ролей и их склонность к поддержанию определенного типа общения в семье (Клецина, 1998).

Исследование проведено с целью изучения личностных особенностей супругов как фактора удовлетворенности браком. В течение ровно одного месяца (с 01.11.2019 по 30.11.2019 г.) автором проводился сбор эмпирического материала, после чего были проанализированы полученные результаты.

Целью исследования стало выявление преобладающих семейных установок супругов с разным типом личностного сценария.

Объектом исследования выступили 40 супружеских пар (40 мужчин и 40 женщин) со стажем семейной жизни от 10 до 25 лет (браки средней и поздней зрелости).

Предметом исследования – взаимосвязи личностных сценариев и семейных установок супругов.

Для реализации исследования были выбраны следующие методы исследования:

Психологическое тестирование и анкетирование:

Вопросник Сандры Бем по изучению маскулинности и феминности (мужественность и женственность) (Практикум, 2003: 277-280); тест «Локаа». Опросный метод исследования публичных личностных сценариев мужчины/женщины (Козлов, 2014); методика общения в семье (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е. М. Дубовская, 1987) (Сизанов, 2001); опросник определение ролей в семье (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) (Андреева, 2006: 427-431).

Методы математической статистики: коэффициенты Спирмена, Фридмана, критерий Манна-Уитни (программа SPSS Statistics 17.0)

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Возможно, что существует связь между выраженностью личностного сценария и семейными установками супругов;

2. Возможно, у супругов с разным типом личностного сценария преобладающие семейные установки будут различаться.

В результате обработки данных выявлено следующее:

Данные по методике «Распределение поддерживаемых типов общения в семье мужьями и женами» показали следующее:

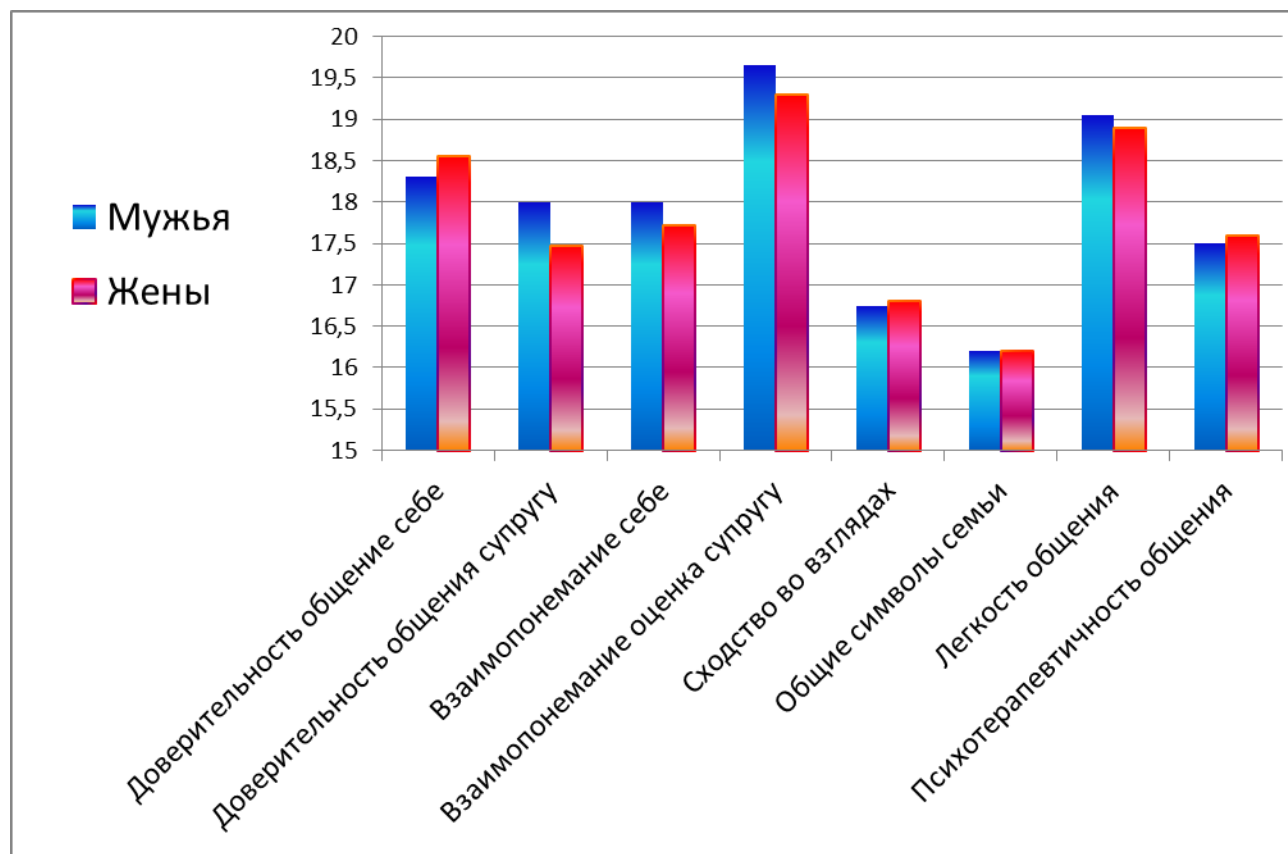

Рис. 1. Распределение поддерживаемых типов общения в семье мужьями и женами

У респондентов, как у мужчин, так и у женщин, выражена ориентация на доверительное общение и понимание друг друга в плане адекватности оценки состояния, настроения и прочего у своего супруга/супруги. Легкость в общении между супругами выявлена у большинства опрошенных. Использование семейных символов, которые могут выступать в самой разной форме, например: в форме своего, не понятного посторонним людям языка (сленга); использование ласковых прозвищ и обращений; образование семейных традиций и обрядов и прочее, практически совсем не характерно для большей части исследуемых пар.

Результаты теста «Распределение ролей в браке» можно увидеть в следующей диаграмме на [Рисунке 2](#).

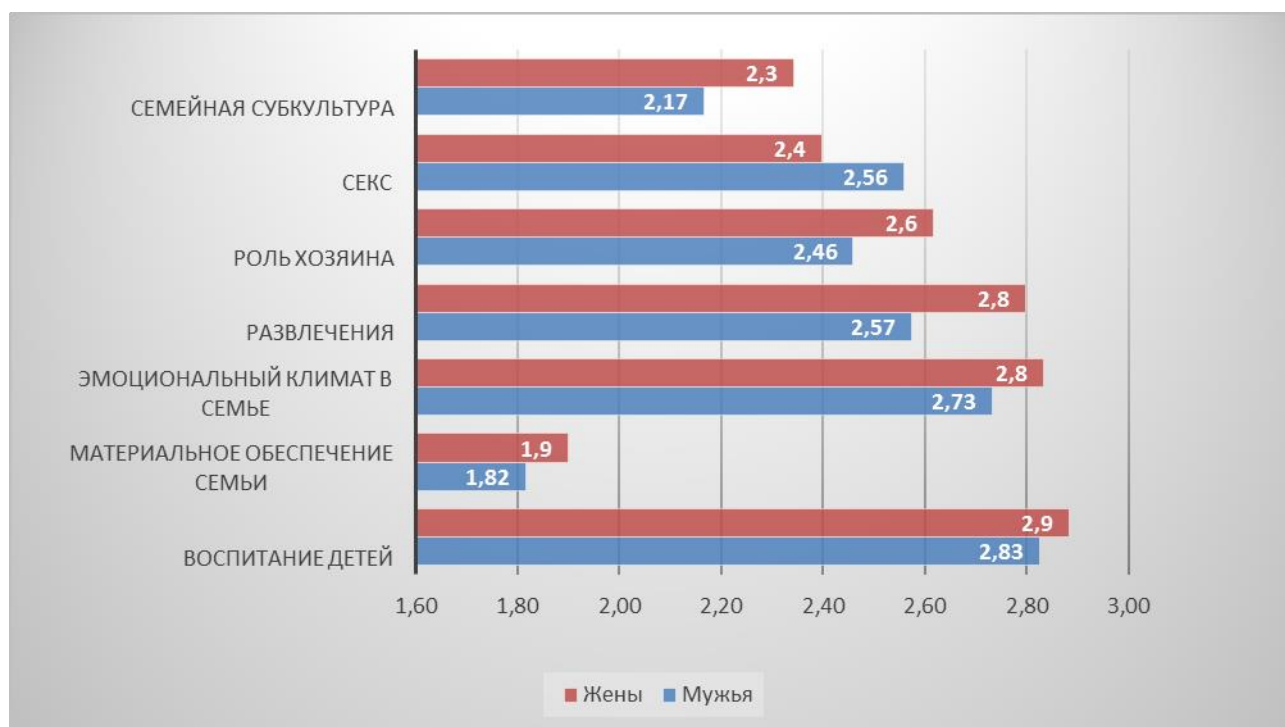

Рис. 2. Результаты теста «Распределение ролей в браке»

Исследование показало, что и мужчины, и женщины склонны приписывать ответственность за реализацию большей части семейных ролей женам. Ответственность за удовлетворенность интимными отношениями мужчины также возлагают на жен, причем в большей степени, чем это делают сами жены. Женщины в большей степени приписывают к своей сфере организации семейной жизни, чем их мужья такие роли как роль хозяйки, организация развлечений, создание эмоционального климата в семье, воспитание детей и формирование семейных традиций. Единственная роль, которая единогласно отводится мужьям – это материальное обеспечение семьи (Андреева, 2006).

Как показало исследование особенностей гендерной идентичности супругов, стремление взять на себя роль хозяина и ответственность за материальное обеспечение семьи проявляется у мужчин с явной выраженностью маскулинности, а у супругов с фемининными чертами проявляется перекалывание ответственности за создание семейной субкультуры на жен. Радует, что это проявлено только у 20 % испытуемых. Большинство мужчин удовлетворены своим телом и полом.

Что касается женщин, то выявлено, что чем больше у жен выражены маскулинные черты, тем больше они склонны принимать на себя роль «хозяина и добытчика» в семье, а чем больше проявлены фемининные черты – тем больше они склонны приписывать организацию семейной субкультуры себе (то есть женам).

Исследование связи между выраженностью типа личностного сценария и семейными установками супругов показало следующие результаты:

Среди респондентов практически не встречается у лиц с «чистым типом» определенного личностного сценария. Поэтому мы рассматривали группы мужей и жен с высокими показателями по каждому из исследуемых типов сценария.

Как показало наше исследование – 73 % исследуемых мужей проявляют реализацию такого типа сценария, как «Царь» – проявляющийся в стремлении к управлению, руководству, доминированию и демонстрации силы. Для них важно расширение сферы семьи, благоустройство её жизни и комфорт. Эти мужья склонны считать, что организацию семейной субкультуры осуществляет муж, то есть в поле его ответственности входит

определение жизненных принципов и правил в семье, её интересов и увлечений. А роль сексуального партнёра они отводят преимущественно жёнам, то есть, по их мнению, женщины несут ответственность за близость и благополучие семейных отношений.

У 50 % мужей выражено проявление сценария «Возлюбленный», характеризующееся ориентацией на состояние влюблённости, на состояние азарта охоты, а не на сам ее объект. Мужчины с выраженным проявлением этого сценария считают, что формирование ценностей семьи лежит на муже, причем этот аспект более выражен у мужчин, имеющих 2-х и более детей.

У 45 % исследуемых мужей выражен сценарий «Воин», который отражает их стремление к развитию своего духа, высокую значимость свободы, решительность, склонность к борьбе. Чем выше у мужей выражен этот сценарий, тем больше они берут на себя ответственность за формирование доверительных отношений в семье. А женам они склонны приписывать ответственность за эмоциональный климат в семье.

У 35 % мужей имеют место проявления сценария «Маг», что связано с проявлениями исследовательских склонностей, ориентацией на творчество и стремлением постичь истину, а также проявляться в попытках утвердить свои идеи в социуме. У этих мужей не выражены эгалитарные установки относительно распределения семейных ролей в отношении мужчин и женщин. Особенности этого личностного сценария могут нивелироваться выраженностью других типов личностных сценариев.

В исследуемой группе женщин статистически доминируют такие типы личностных сценариев, как «Елена» и «Мария» (40 % и 30 %), хотя процентное соотношение высоких показателей в группе женщин проявляется в пользу сценария «София» – 55 %.

У 40 % женщин с выраженным типом личностного сценария «Елена», который включает черты непостоянства, сострадания к людям и животным, эмоциональность, сексуальность и достаточную уверенность в себе. Чем больше преобладает сценарий «Елена», тем меньше жены считают своего супруга доверяющим им, тем меньше они понимают себя сами и считают, что супруг также не способен их понять. Они не ориентированы на создание доверительных отношений в семье, попытки понимать своего супруга и разделять с ним взгляды на жизнь, на применение ласкательно-уменьшительных имен в общении с близкими людьми и в целом формировать легкую, экологичную атмосферу в семье.

30 % женщин с выраженным типом личностного сценария «Мария», склонны приписывать роль хозяйки в семье себе. Этот тип сценария связан с такими аспектами личностного проявления как ее стремлением к духовности, благородству, добродетельности, склонности к воспитанию детей и созданию домашнего уюта.

У 55 % женщин с выраженным сценарием «София» не выявлено стремление к созданию общих символов в семье, они не склонны к использованию уменьшительных имен и ласковых прозвищ, и не приветствуют это по отношению к себе. Также они не доверяют своему супругу и не всегда понимают, чего хотят сами. Женщины с выраженным типом личностного сценария «София» могут проявлять мудрость и быть ориентированы на воспитание детей и проявление любви к ним, на создание доверительных отношений с самой собой. Но, есть и негативный аспект проявления данного сценария – такие женщины могут достигать своих целей посредством лжи, манипуляций, притеснение мужа и детей и т.д.

У 17,5 % женщин выражены особенности личностного сценария «Ева» - связанного с проявлениями сексуальности и манипуляции в этой сфере мужчинами. В нашем исследовании не выявлены взаимосвязи этого типа сценария с показателями качества отношений в семье и установок относительно распределения ролей в браке.

3. Заключение

Таким образом, выдвинутые гипотезы исследования нашли свое подтверждение. В целом, опрошенные мужчины и женщины сходятся в приписывании большинства семейных ролей женам. Единственную роль финансового обеспечения семьи и те и другие определенно закрепляют за мужьями. Ответственность за удовлетворенность интимными отношениями мужчины в большей степени закрепляют за женами, чем сами их супруги. Это позволило выявить взаимосвязи между проявлениями мужских и женских личностных сценариев и семейными установками, характерными для каждого из них.

Литература

- Андреева, 2006 – Андреева Т.В. (2006). Психология современной семьи. СПб.: Речь. 436 с.
- Берн, 2001 – Берн Ш. (2001). Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак. 320 с.
- Воронцов, 2003 – Воронцов Д.В. (2003). Что такое гендер? // Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер. С. 27-45.
- Джейс, 2001 – Джейс Ф.Л. (2001). Самоисполняющиеся пророчества: гендер с социально-психологической точки зрения // Сексология. СПб.: Питер. С. 144-161.
- Калабихина, 1995 – Калабихина И.Е. (1995). Социальный пол и проблемы населения. М.: Менеджер. 149 с.
- Кандиоти, 1992 – Кандиоти Д. (1992). Эволюция гендерных исследований: обзор // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М.: ИСЭПН. С. 156-163.
- Клецина, 1998 – Клецина И.С. (1998). Самореализация и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 188-202.
- Козлов, 2014 – Козлов В.В. (2014). Тест «ЛОКАА». Опросный метод исследования глубинных личностных сценариев мужчины и женщины: методическое руководство. Саратов: Вузовское образование. 50 с.
- Петросьян, 2016 – Петросьян С.Н. (2016). Жизненный сценарий как бытийное пространство личности // Гуманизация образования. № 2. С. 51-59.
- Практикум, 2003 – (2003). Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер. 479 с.
- Сизанов, 2001 – Сизанов А.Н. (2001). Познай себя: Тесты, задания, тренинги, консультации. Минск: Полымя. 590 с.

References

- Andreeva, 2006 – Andreeva T.V. (2006). Psihologiya sovremennoj sem'i [Psychology of modern family]. SPb.: Rech'. 436 p. [in Russian]
- Bern, 2001 – Bern SH. (2001). Gendernaya psihologiya [Gender psychology]. SPb.: Prajm-Evroznak. 320 p. [in Russian]
- Voroncov, 2003 – Voroncov D.V. (2003). CHto takoe gender? [What is a gender?]. *Praktikum po gendernoj psihologii*. SPb.: Piter. pp. 27-45. [in Russian]
- Dzhejs, 2001 – Dzhejs F.L. (2001). Samoispolnyayushchiesya prorochestva: gender s social'no-psihologicheskoy tochki zreniya [Self-fulfilling prophecies: gender from a socio-psychological point of view]. *Seksologiya*. SPb.: Piter. pp. 144-161. [in Russian]
- Kalabihina, 1995 – Kalabihina I.E. (1995). Social'nyj pol i problemy naseleniya [Social gender and population issues]. M.: Menedzher. 149 p. [in Russian]
- Kandioti, 1992 – Kandioti D. (1992). Evolyuciya gendernyh issledovanij: obzor [Evolution of gender research: review]. *Zhenshchiny i social'naya politika (gendernyj aspekt)*. M.: ISEPN. pp. 156-163. [in Russian]
- Klecina, 1998 – Klecina I.S. (1998). Samorealizaciya i gendernye stereotypy [Self-realization and gender stereotypes]. *Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti*. Vyp. 2. SPb.: Izd-vo SpbGU. Pp. 188-202. [in Russian]
- Kozlov, 2014 – Kozlov V.V. (2014). Test «LOKAA». Oprosnij metod issledovaniya glubinyh lichnostnyh scenarijev muzhchiny i zhenshchiny: metodicheskoe rukovodstvo [LOKAA test. Survey Method of Study of Deep Personal Scenarios of Men and Women: Methodological Guidance]. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie. 50 p. [in Russian]
- Petros'yan, 2016 – Petros'yan S.N. (2016). ZHiznennyj scenarij kak bytijnoe prostranstvo lichnosti [Life Scenario as a Bovine Personality Space]. *Gumanizaciya obrazovaniya*. 2: 51-59. [in Russian]
- Praktikum, 2003 – (2003). Praktikum po gendernoj psihologii [Workshop on gender psychology]. SPb.: Piter. 479 p. [in Russian]
- Sizanov, 2001 – Sizanov A.N. (2001). Poznaj sebya: Testy, zadaniya, treningi, konsul'tacii [Know yourself: Tests, tasks, trainings, consultations]. Minsk: Polymya. 590 p. [in Russian]

Преобладающие семейные установки супругов с разным типом личностного сценария

Екатерина Сергеевна Медведева ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. На сегодняшний день актуальным является проблема о распределении мужских и женских ролей в браке. Данный фактор вызван тем, что наступает трансформация традиционных семейных ценностей, которая приводит к их разрушениям в социуме. Расширяющая мировая глобализация, которая выражается во всех сферах жизни общества, также приводит к стиранию сложившихся веками социокультурных традиций, что также отражается на гендерном дисбалансе в институте семьи. Невзирая на существующую общественную позицию и ряд законодательств об уравнивании прав мужчин и женщин по-прежнему имеет место гендерное преимущество в той или иной отрасли. В связи с этим становится необходимым изучение различных личностных и семейных проблем, оказывающих влияние на гармоничное развитие общества. В статье прорабатывается исследование преобладающих семейных установок супругов с разным типом личностного сценария. Оно построено на основе общепризнанных психологических методик, связанных с личностными сценариями семейных пар и их семейными установками. Автором была подобрана экспериментальная группа в количестве 40 супружеских пар (40 мужчин и 40 женщин) со стажем семейной жизни от 10 до 25 лет (браки средней и поздней зрелости). На основе данного исследования анализируется роль осознаваемых и неосознаваемых установок в формировании представлений о себе, связанных с гендерной идентичностью в супружеских отношениях. Проведённый эксперимент также даёт возможность увидеть представления о распределении ролей в семье в связи с половой принадлежностью.

Ключевые слова: личностный сценарий, семейные установки, гендер, семейные отношения.

* Корреспондирующий автор

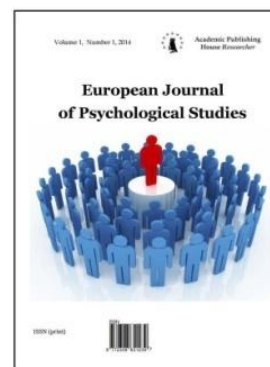
Адреса электронной почты: katyusha.krokhmal@mail.ru (Е.С. Медведева)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Psychological Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2409-3297
2020, 8(1): 10-16

DOI: 10.13187/ejps.2020.8.10
www.ejournal12.com

Victimological Features of Xenophobia Among Students

Natalia N. Teslyk ^{a, *}, Darina V. Hromyko ^a, Andrii E. Lebid ^{a, b}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

Abstract

The article discusses the behavioural manifestations of xenophobia among students relevant to the period of globalization. The concept of “xenophobia” is analysed, as well as its relationship with manifestations of discrimination and victim behaviour. Based on an empirical study, the purpose of which is to identify differences between students depending on their interaction in a multicultural space, significant features of aggressive victimization behaviour are highlighted. A gender analysis of the data was carried out, which indicates that the level of aggressive type of victim behaviour of students is not determined by their gender.

The level of aggressive victimization behavior among ukrainian students towards foreign students has been determined. It is assumed that the level of aggressive type of victim behavior has gender patterns. The social, political and economic roots of xenophobia are investigated. As a result of the study, it has been proved that the type of victim behavior among students does not depend on their place of residence and gender. The hypothesis that student youth who have everyday contacts with foreign students has no prerequisites for xenophobia and discrimination has been confirmed.

Keywords: victimology, victim behaviour, aggressive victim behaviour, xenophobia, discrimination, socio-psychological characteristics of students.

1. Введение

Современное украинское общество невозможно представить без взаимодействия различных культурных сообществ. Тем не менее, совместное сосуществование разнородных культурных слоев может вызывать определенные трудности. Не является исключением и образовательное пространство, в границах которого можно наблюдать взаимовлияние и взаимодействие украинской и эмигрантской культур. Неизбежно с увеличением числа иностранных студентов стереотипность мышления вызывает некоторые проявления ксенофобии. В связи с этим актуализируется вопрос толерантного отношения и взаимного принятия различных культурных слоев украинского студенчества.

Цель данной работы – определение уровня агрессивного виктимного поведения украинских студентов в отношении студентов-иностранцев. Гипотеза данного исследования: уровень агрессивного типа виктимного поведения имеет гендерные закономерности (в частности, выше у юношей, нежели у девушек), но независимы от бытовых контактов (студенты, которые проживают в общежитии, имеют не больше предпосылок к

* Corresponding author

E-mail addresses: teslyk.n@gmail.com (N. Teslyk)

переживанию ксенофобии по сравнению со студентами, проживающим вне общежитий, то есть не имеющих непосредственных бытовых контактов с иностранными студентами).

2. Материалы и методы

В современной науке сосуществуют различные подходы как к пониманию феномена ксенофобии в целом, так и к специфике влияния этого явления на виктимизацию определённых лиц. Многогранность понятия «ксенофобия» подчеркивается объединением различных трактовок: навязчивый страх перед незнакомыми людьми, боязнь чужих; враждебность, нетерпимость, ненависть и презрение к лицам иной веры, культуры, национальности, к иностранцам, представителям других регионов, а также к чему-то незнакомому, чужому, непривычному. Также ксенофобия имеет социальные, политические и экономические корни, которые тесно переплетены.

В процессе подготовки рукописи нами были использованы методы статистического анализа количественных данных и статистические методы обработки данных, в частности, t-критерий Стьюдента и другие.

3. Обсуждение

Некоторые теории воспринимают ксенофобию как естественное явление, которое имеет дарвинистические корни и на уровне подсознания влияет на поведение человека при встрече с субъектами, с которыми он не чувствует родства по значимому для него признаку. В противовес им, другая группа теоретических позиций убеждает, что ксенофобия присуща только социальным группам или лицам на низшем уровне культуры, что делает возможным ее эффективную профилактику (Орбан-Лембрик, 2007: 22-26).

Ряд авторов утверждают, что она является порождением не индивидуального, а группового сознания. В этом контексте считается, что личностные черты и свойства не влияют на характер проявления ксенофобии, тогда как социальные и социально-психологические факторы являются детерминантами ксенофобии. Другая группа исследователей утверждают, что социально-политические процессы играют вторичную роль в возникновении ксенофобских тенденций, тогда как черты характера и тип воспитания следует принять доминирующими в этом процессе.

Х. Соломон и Х. Косака утверждают, что "ксенофобия в основном проистекает из чувства, что неграждане представляют какую-то угрозу личности получателей или их индивидуальным правам, а также тесно связано с понятием национализма», а также то, что на ксенофобские настроения в основном влияет чувство депривации, которое точно отражено в теории «относительной депривации» (Solomon, Kosaka, 2014).

Также нельзя исключать роль СМИ в способствовании ксенофобному дискурсу. А. Пинетех указывает на негативное влияние освещения в местных печатных СМИ инцидентов ксенофобии 2008 и 2015 годов, которые способствовали усилению негативных настроений и росту насилия (Pineteh, 2017).

В институциональных условиях, таких как университеты, ксенофобские настроения, скорее всего, будут выражаться в тонких формах, но с деморализующим воздействием на испытуемых (Singh, 2013).

Ксенофобия в семантическом плане близка понятию дискриминации, под которой понимают ограничение или лишение прав определенных групп людей вследствие их разграничения по определенным признакам. С точки зрения социальной психологии, дискриминация – это обусловленные предубеждениями несправедливые действия, неоправданно негативное поведение по отношению к определенным социальным группам или их членам. Она может существовать в различных формах: замаскированный психологический террор; неприязнь; открытое насилие; открытое противодействие и т.д. (Іваноньків, 2014: 130-133).

Расовая дискриминация рассматривается как «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, целью или следствием которых является уничтожение признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» (Council of Europe, 2012).

Понятие «этноцентризм» содержит в себе мотивы на уровне национального сознания, формирующие убеждение в доминантном месте данной нации не только среди современников, но и по сравнению со всеми народами предыдущих исторических эпох. К признакам этноцентризма относят восприятие собственной группы как эталонной; обесценивание других групп, сопровождается восприятием их представителей как людей «низшего сорта», «дикарей» и т.п., проявление враждебности, презрения и пренебрежения. В этом контексте ксенофобия рассматривается как форма этноцентризма (Павлова, 2014).

Явление ксенофобии, в свою очередь, напрямую влияет на увеличение риска виктимизации иностранцев. Ю.А. Кузьмин и В.И. Перепелкин утверждают, что "Этническая принадлежность значительной части участников организованной преступности ведет к резкому усилению виктимности представителей соответствующих этносов, которые часто становятся объектами мести, неоправданного насилия со стороны представителей правоохранительных органов, других противоправных действий, при том, что у значительной части населения снижается уровень негативного отношения к преступлениям против иностранцев" (Кузьмин, Перепелкин, 2015).

С.Ф. Чинини высказывает похожую позицию: «Иностранцы автоматически подвергаются риску виктимизации, потому что они являются подходящими целями из-за своей уязвимости. Они подвергаются риску стать жертвами со стороны граждан, которые имеют предубеждения в отношении иностранцев» (Cinini, 2015: 37).

Таким образом, можно прийти к выводу, что изучение феномена ксенофобии не будет полноценно без обращения к их взаимосвязи с виктимностью. В данном случае прослеживается необходимость обратиться к криминологической виктимологии, поскольку дискриминация как следствие ксенофобии является криминальной проблемой.

В современной криминологии виктимизация понимается как процесс превращения конкретного лица в жертву преступного деяния, а также определенной общности людей, его конечный совокупный преступный результат. Виктимизация населения от противоправных посягательств есть расширение контингента тех граждан, которые стали жертвами преступных деяний, особенно насильственного и корыстно-насильственного характера (Кудрявцев, Эминов, 2009).

С.Ф. Чинини, ссылаясь на работы Э.А. Фаттаху указывает, что «риск криминальной виктимизации во многом зависит от образа жизни людей и повседневной деятельности, которая приводит их и/или их имущество к прямому контакту с потенциальными преступниками в отсутствие способных опекунов». Он делает вывод, что иностранцы, как правило, не имеют возможности опекунов, и поэтому они подвергаются как спонтанным, так и мотивированным правонарушителям. В случае угрозы насилия они полагаются на законы и правительственных чиновников принимающей страны в качестве опекунов в поисках защиты. К сожалению, из различных исследований было доказано, что некоторые правительственные чиновники также по-разному участвуют в виктимизации иностранцев, что затрудняет решение этой проблемы иностранцами (Cinini, 2015: 39).

Виктимность личности в поведенческом аспекте выражает виктимное поведение индивида, которое, в каждом отдельном случае проявляется своеобразно. Исследователи криминальной виктимологии различают следующие типы виктимности человека: агрессивный тип потерпевшего; активный тип потерпевшего; инициативный тип потерпевшего; пассивный тип потерпевшего; не критичный тип потерпевшего (Кузнецов, 1991).

4. Результаты

Достижение поставленной цели потребовало эмпирического исследования, в котором использована шкала склонности к агрессивному виктимному поведению (агрессивный тип потерпевшего) методики "Диагностика склонности к виктимному поведению" О.О. Андронникова, а также проведено анкетирование с целью изучения оценочных суждений украинских студентов о студентах-иностранцах.

Выборку составили 100 студентов, в том числе 43 юноши и 57 девушек возрастом от 17-ти до 23-х лет. К критериям сравнения, кроме гендерного аспекта, мы относим также фактор наличия регулярного общения со студентами-иностранцами, в частности, совместное проживание на территории одного общежития. Среди респондентов 47 респондентов

проживает в общежитии и имеют бытовые контакты с иностранными студентами, 53 опрошенных не имеют таковых, так как проживают вне студенческих общежитий.

Выявлено, что средневзвешенные показатели агрессивного типа виктимного поведения у исследуемых находятся на уровне нормы ($10,23 \pm 3,87$). Сравнение средневзвешенных групповых показателей юношей ($10,95 \pm 3,95$) и девушек ($9,47 \pm 3,73$), студентов, проживающих в общежитии ($10,92 \pm 3,79$) и тех, кто не проживают ($9,26 \pm 3,82$), не выявляет статистически значимые отличия. При этом крайних проявлений не наблюдается. Применение t-критерия Стьюдента позволяет сделать вывод, что пол и место проживания не влияет на уровень агрессивного типа виктимного поведения студентов.

Корреляционный анализ полученных данных подтверждает гипотезу о том, что тип виктимного поведения не коррелирует с местом проживания. Анализ показателей по половому признаку исследуемых выявил, что агрессивный тип виктимного поведения имеет корреляционную связь с полом ($0,22$, $p \leq 0,05$). То есть это означает, что у парней выше уровень агрессивного типа виктимного поведения. Однако данное утверждение следует признать таковым, что требует дальнейшей проверки, так как уровень достоверности полученной корреляции, хотя и статистически значим, требует расширения выборки исследования в дальнейшем перспективном исследовании.

Применение опросника для исследования проявления ксенофобии у студентов (Таблица 1) не подтвердило значимые различия между студентами, которые проживают в общежитии и студентами, которые не проживают в общежитии в вопросах отношения студентов к совместному проживанию и времяпрепровождению с иностранными студентами, готовности к дружеским отношениям. Применение критерия углового преобразования Фишера показывает отличия только в двух значимо отличных пунктах опросника.

Таблица 1. Отличия ответов студентов в зависимости от наличия у них бытовых контактов с иностранными студентами (в связи с проживанием в университетском общежитии)

Опросник ксенофобских проявлений		Сравнение ответов подгрупп	
№	Вопрос	Φ^*	p
1	Согласились бы вы жить в одной комнате с иностранным студентом.	1.718	0,05
2	Согласились бы вы учиться в одной группой с иностранным студентом?	-	-
3	Хотели бы вы жить на одной секции с иностранными студентами?	-	-
4	Хотели бы вы подружиться с иностранными студентами?	-	-
5	Считаете ли вы допустимым то, что иностранцы могут учиться в Украине?	2.157	0,05
6	Считаете ли вы, что способны ударить человека другой национальности?	-	-
7	Студенты справедливо возмущаются, когда узнают, что иностранцы легко закрывают сессии.	-	-
8	Хотели бы вы участвовать в мероприятиях вместе с иностранными студентами?	-	-
9	Есть ли у вас друзья среди иностранных студентов?	-	-
10	В конфликте с иностранными студентами, я не буду пытаться понять его позицию	-	-
11	Чувствуете ли вы отвращение, когда пользуетесь одним душем с иностранцем?	-	-

5. Заключение

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что отличия между студентами, проживающими с иностранцами и студентами, не имеющими такого опыта, не существенны и статистически значимые отличия наблюдаются лишь в двух вопросах,

а именно о самом интеркультурном учебном пространстве и совместном проживании студентов из разных стран. В частности, 96 % опрошенных студентов, которые не имеют опыта проживания на общей территории с иностранцами, считают допустимым обучение иностранных студентов в Украине. Тогда как среди студентов, имеющих регулярные бытовые контакты с иностранными студентами, эта пропорция снижается до 88 %, что, естественно, также представляет большинство опрошенных, но статистически ниже. Данные отличия можно объяснить наличием типичных бытовых трудностей взаимодействия. В то же время практико-ориентированные вопросы касательно общей бытовой, учебной и внеучебной деятельности не выявляют отличий. Так, иметь друзей среди иностранных студентов хотели бы 88 % опрошенных студентов обеих групп сравнения, а подтверждают факт дружбы с иностранными студентами 61 % опрошенных, проживающих вне общежитий и 59 % опрошенных, проживающих на территории общежития, общего для украинских и иностранных студентов.

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что гипотеза подтвердилась частично. Тип виктимного поведения студентов не коррелирует с местом проживанием и полом, по обоим признакам существенных отличий не было обнаружено. Результаты анкетирования подтвердили гипотезу о том, что молодёжь, имеющая бытовые контакты с иностранными студентами, не имеют повышенные предпосылки к ксенофобии и дискриминации. В целом стереотипное восприятие иностранных студентов не подтверждается практикой взаимодействия в пределах интеркультурной учебной среды.

Литература

Іваноньків, 2014 – Іваноньків О. Адаптація іноземних студентів до навчання у вищих навчальних закладах України. *Актуальні питання організації навчання іноземних студентів у європейському освітньому просторі*. 2014. С. 130-133.

Кудрявцев, Эминов, 2009. – Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология. Москва: НОРМА. 2009. 800 с.

Кузнецов, 1991 – Кузнецов П.С. Адаптация как функция развития личности. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1991. 76 с.

Кузьмин, Перепелкин, 2015 – Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения / *Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики*. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета. 2015. С. 343-347.

Орбан-Лембрик, 2007 – Орбан-Лембрик Л. До питання про міжгрупові конфлікти // *Соціальна психологія*. 2007. № 3. С. 22-26.

Павлова, 2014 – Павлова В.О. Ксенофобія як фактор віктимності мігрантів // *Актуальні проблеми політики*. 2014. Вип. 52. С. 193-205.

Cinini, 2015 – Cinini S.F. A Victimological exploration of the victimisation vulnerability of a group of foreign nationals in the city of Durban. University of KwaZulu-Natal. 2015. [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/10413/13191>

Council of Europe, 2012 – Council of Europe (2012). Доповідь Європейської комісії проти расизму та нетерпимості по Україні (четвертий цикл моніторингу). Strasbourg Cedex. 52 p.

Pineteh, 2017 – Pineteh A. Illegal aliens and demons that must be exorcised from South Africa: Framing African migrants and xenophobia in post-apartheid narratives. *Cogent Social Sciences*. 2017. Vol. 3(1). Pp. 139-158.

Singh, 2013 – Singh J.R. Examining xenophobic practices amongst university students: A case study from Limpopo province // *Alternation special edition*. 2013. Vol. 7. Pp. 88-108.

Solomon, Kosaka, 2014 – Solomon H., Kosaka H. Xenophobia in South Africa: reflections, narratives and recommendations // *Southern Africa Peace and Security Studies*. 2014. Vol. 2(2). Pp. 5-30.

Tella, 2016 – Tella O. Understanding Xenophobia in South Africa: The Individual, the State and the International System. *Insight on Africa*. 2016. Pp. 142-158.

References

- Cinini, 2015** – Cinini, S.F. (2015). A Victimological exploration of the victimisation vulnerability of agroup of foreign nationals in the city of Durban. University of KwaZulu-Natal. [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/10413/13191>
- Council of Europe, 2012** – Council of Europe (2012). Dopovid' Evropeis'koï komisii proti rasizmu ta neterpimosti po Ukraïni (chetvertii tsikl monitoringu). Strasbourg Cedex. 52 p. [in Ukrainian]
- Ivanonkiv, 2014** – Ivanonkiv, O. (2014). Adaptatsiia inozemnykh studentiv do navchannia u vyschych navchalnykh zakladakh Ukrainy. [Adaptation of foreign students to higher education in Ukraine]. *Aktualni pytannia orhanizatsii navchannia inozemnykh studentiv u yevropeiskomu osvithnomu prostori*. Pp. 130-133. [in Ukrainian]
- Kudryavtsev, Eminov, 2009** – Kudryavtsev, V.N., Eminov, V.E. (2009). Kriminologiya. [Krymynolohyia]. Moskva: NORMA. 800 p. [in Russian]
- Kuzmin, Perepelkin, 2015** – Kuzmin, Yu.A., Perepelkin, V.I. (2015). Profilaktika prestupleniy, sovershaemykh v sostoyanii alkogolnogo opyaniya. [Prevention of crimes committed while intoxicated]. *Aktualnye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimeritelnoy praktiki*. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo universiteta. Pp. 343-347. [in Russian]
- Kuznetsov, 1991** – Kuznetsov, P.S. (1991). Adaptatsiya kak funktsiya razvitiya lichnosti. [Adaptation as a function of personality development]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. 76 p. [in Russian]
- Orban-Lembryk, 2007** – Orban-Lembryk, L. (2007). Do pytannia pro mizhhrupovi konflikty. [On the issue of intergroup conflicts]. *Sotsialna psykholohiia*. 3: 22-26. [in Ukrainian]
- Pavlova, 2014** – Pavlova, V.O. (2014). Ksenofobiia yak faktor viktymnosti mihrantiv. [Xenophobia as a migrant victimization factor]. *Aktualni problemy polityky*. 52: 193-205. [in Ukrainian]
- Pineteh, 2017** – Pineteh, A. (2017). Illegal aliens and demons that must be exorcised from South Africa: Framing African migrants and xenophobia in post-apartheid narratives. *Cogent Social Sciences*. 3(1): 139-158.
- Singh, 2013** – Singh, J.R. (2013). Examining xenophobic practices amongst university students: A case study from Limpopo province. *Alternation special edition*. 7: 88-108.
- Solomon, Kosaka, 2014** – Solomon, H., Kosaka, H. (2014). Xenophobia in South Africa: reflections, narratives and recommendations. *Southern Africa Peace and Security Studies*. 2(2): 5-30.
- Tella, 2016** – Tella, O. (2016). Understanding Xenophobia in South Africa: The Individual, the State and the International System. *Insight on Africa*. Pp. 142-158.

Виктимологические особенности проявления ксенофобии у студентов

Наталья Николаевна Теслик ^{a, *}, Дарина Владимировна Громыко ^a,
Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b}

^a Сумской государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований,
Вашингтон, США

Аннотация. В данной статье рассмотрены актуальные в период глобализации поведенческие проявления ксенофобии студенческой молодежи. Проанализированы понятие “ксенофобия”, а также его связь с проявлениями дискриминации и виктимным поведением. На основе эмпирического исследования, цель которого – выявить отличия между студентами в зависимости от их взаимодействия в поликультурном пространстве, выделены значимые особенности агрессивного виктимного поведения. Проведен гендерный анализ полученных данных, который свидетельствует, что уровень агрессивного типа виктимного поведения студентов не определяется их половой принадлежностью.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: teslyk.n@gmail.com (Н. Теслик)

Определён уровень агрессивного виктимного поведения украинских студентов по отношению к студентам-иностранцам. Предполагается, что уровень агрессивного типа виктимного поведения имеет гендерные закономерности. Исследованы социальные, политические и экономические корни ксенофобии. В результате исследования доказано, что тип виктимного поведения студентов не зависит от места их проживания и гендера. Подтверждена гипотеза о том, что студенческая молодёжь, имеющая бытовые контакты с иностранными студентами, не имеет предпосылок к ксенофобии и дискриминации.

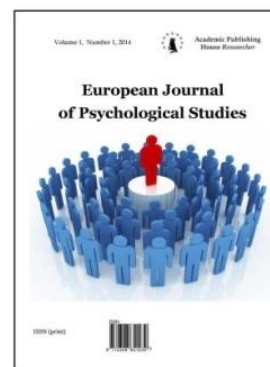
Ключевые слова: виктимология, виктимное поведение, агрессивное виктимное поведение, ксенофобия, дискриминация, социально-психологические особенности студентов.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Psychological Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2409-3297
2020, 8(1): 17-24

DOI: 10.13187/ejps.2020.8.17
www.ejournal12.com

Gender Characteristics of the Perceptual-Analytical Component of the Culture of Professional Communication of Civil Servants

Hanna E. Ulunova ^{a,*}, Andrii E. Lebid ^{a,b}, Daiana Tarasiuk ^a

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

Abstract

The article is devoted to the problem of gender characteristics of the perceptual-analytical functional component of the culture of professional communication of civil servants. Based on the results of empirical research, it has been established that in the analytical perception and knowledge of colleagues, visitors and oneself as subjects of professional communication, the most significant differences between male civil servants and female civil servants are the orientation in professional communication and the acmeological invariants of a person's professionalism in professional communication. Indicators of psychological competence among male civil servants correlate with indicators of psychological literacy in professional communication, and among female civil servants – with indicators of orientation in professional communication. Constructs such as psychological literacy in professional communication and psychological competence in professional communication, as well as general indicators on the scale "Perceptual-analytical component of the culture of professional communication of civil servants" do not differ in male civil servants and female civil servants.

Keywords: communication, culture, perceptive-analytical component, gender, civil servants.

1. Введение

Профессиональная деятельность государственных служащих реализуется в условиях постоянного взаимодействия с коллегами и посетителями-пользователями государственных услуг, что актуализирует научную разработку проблемы профессионального общения чиновников. Так, доказанным является позитивное влияние компетентности в общении на успешность в профессиональной деятельности государственных служащих (Friolina, 2017). В поле внимания исследователей находятся прикладные аспекты коммуникации государственных служащих: трансформации коммуникации данной профессиональной группы сквозь призму этических и моральных норм (Laužikas, 2019), вовлеченность государственных служащих в стратегические коммуникации центральных правительственных организаций (Salomonsen, 2016) и т.д. При этом доминирующее большинство существующих исследований посвящено общению государственных служащих как исключительно социально-психологическому явлению без перехода к феномену культуры профессионального общения как личностному образованию субъекта общения.

* Corresponding author

E-mail addresses: uluanna.ua@gmail.com (H. Ulunova)

Кроме того, научная обоснованность и практическая значимость результатов эмпирического изучения проблемы общения вообще и профессионального общения государственных служащих в частности детерминирована дифференцированным анализом гендерных особенностей общения, что, например, позволяет повысить успешность женщин на руководящих постах (Yang, 2019), противостоять попыткам дискриминации женщин-политиков с помощью языковых практик (Formato, 2017) и т.д.

Вышеизложенное обосновывает актуальность разработки проблемы гендерных особенностей культуры профессионального общения государственных служащих вообще и реализованного в её контексте исследования, изложенного в статье – определение гендерных особенностей перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих Украины.

2. Материалы и методы

Достижение поставленной цели обеспечивалось проведением эмпирического исследования, в котором приняли участие 515 государственных служащих Украины, среди них 52,4 % (270 человек) отнесли себя к женскому полу, а 47,6 % (245 человек), отнесли себя к мужскому полу.

Для реализации цели исследования использовалась комплексная психодиагностическая методика «Культура профессионального общения государственных служащих» А.Е. Улуновой (Улунова, 2020). Методика представляет собой подборку из 32 ситуаций профессионального общения государственных служащих, распределенных на 4 блока в соответствии с функциональными компонентами культуры профессионального общения государственных служащих. Перцептивно-аналитическому функциональному компоненту культуры профессионального общения соответствуют задания-ситуации шкалы А. Каждую ситуацию делового общения исследуемый оценивает по четырем направлениям, отражающим конструкты функциональных компонентов культуры профессионального общения государственных служащих: 1) направленности в профессиональном общении (шкала А1); 2) психологическая грамотность в профессиональном общении (шкала А2); 3) психологическая компетентность государственных служащих в профессиональном общении (шкала А3); 4) акмеологические инварианты профессионализма личности государственного служащего в профессиональном общении (шкала А4).

Полученные эмпирические количественные результаты обрабатывались с помощью методов математической статистики: χ^2 -критерия и коэффициента корреляции Пирсона.

3. Обсуждение

Основываясь на акмеологическом (Кузьминов, 1999; Лотова, 2003) и личностном (Богомолова, 2010) подходах, культуру профессионального общения государственных служащих мы определили как культуру личности, являющуюся инвариантом профессиональной психологической культуры государственных служащих и представляющую собой комплексное динамическое личностное образование государственного служащего, которое определяет способность к эффективному профессиональному общению на государственной службе как условие профессиональной самореализации при сохранении внутреннего психологического комфорта специалиста в ситуациях внеорганизационного и внутриорганизационного общения и потребности в личностно-профессиональном развитии в коммуникативной сфере (Улунова, 2020).

Функциональными компонентами культуры профессионального общения государственных служащих являются следующие: 1) перцептивно-аналитический; 2) трансляционно-информационный; 3) управленческо-координационный; 4) личностно-профессионального саморазвития. Перцептивно-аналитический компонент культуры профессионального общения государственных служащих обеспечивает развитие концептуальной модели профессионального общения государственного служащего, детерминированную аналитическим восприятием и познанием коллег, посетителей и себя как субъектов профессионального общения, способности на этой основе корректировать профессиональную коммуникацию.

Конструктами функциональных компонентов культуры профессионального общения государственных служащих являются: 1) психологическая готовность государственных служащих к профессиональному общению, образующаяся направленностью в профессиональном общении (совокупность мотивов, установок, ценностей государственных служащих в профессиональном общении, интегрированных в их профессиональное самосознание) (Братченко, 1997) и психологической грамотностью в профессиональном общении («азы» культуры профессионального общения, овладение психологическими знаниями, умениями, навыками и т.п.); 2) психологическая компетентность государственных служащих в профессиональном общении (эффективное применение знаний, умений, навыков для осуществления профессиональной коммуникации на основе психологической грамотности) (Ulunova, 2015); 3) акмеологические инварианты профессионализма личности государственного служащего в профессиональном общении (коммуникативные способности, ставшие личностно-профессиональными качествами) (Деркач, 2003).

4. Результаты

Использование шкалы А методики «Культура профессионального общения государственных служащих» позволило нам исследовать уровни конструктов перцептивно-аналитического функционального компонента культуры профессионального общения государственных служащих (Таблица 1).

Таблица 1. Уровни конструктов перцептивно-аналитического функционального компонента культуры профессионального общения государственных служащих

Шкала А	Уровень	Респонденты			
		Мужчины		Женщины	
		к-во	%	к-во	%
Направленность в профессиональном общении	Высокий	58	23,7	122	45,2
	Средний	109	44,5	93	34,4
	Низкий	78	31,8	55	20,4
Психологическая грамотность в профессиональном общении	Высокий	61	24,9	74	27,4
	Средний	137	55,9	152	56,3
	Низкий	47	19,2	44	16,3
Психологическая компетентность в профессиональном общении	Высокий	74	30,2	82	30,4
	Средний	113	46,1	115	42,6
	Низкий	58	23,7	73	27,0
Акмеологические инварианты профессионализма личности	Высокий	47	19,2	119	44,1
	Средний	121	49,4	89	33,0
	Низкий	77	31,4	62	22,9
Общий показатель по шкале А	Высокий	60	24,5	98	36,3
	Средний	120	49,0	113	41,9
	Низкий	65	26,5	59	21,8

Анализ результатов, приведенных в Таблице 1, показывает, что у государственных служащих-мужчин преобладает средний уровень (44,5 %) направленности в профессиональном общении (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,05$). Но среди государственных служащих-женщин подавляющее большинство имеет высокий уровень (45,2 %) направленности в профессиональном общении (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,05$). Указанные результаты диагностики направленности в профессиональном общении конкретизируются при ранговом анализе видов направленности в профессиональном общении государственных служащих (Рисунок 1).

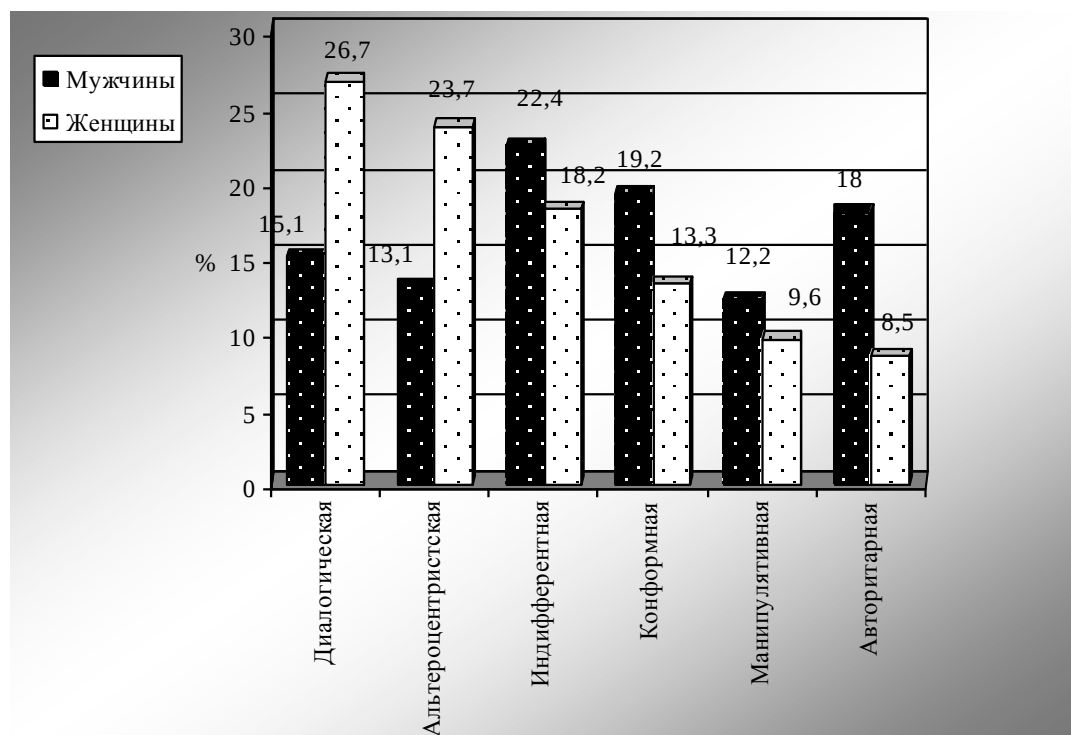

Рис. 1. Виды направленности в профессиональном общении как конструкта перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих

Анализ результатов, представленных на [Рисунке 1](#), показывает, что государственным служащим-мужчинам присуща такая распространенность видов направленности в профессиональном общении: 1-й ранг – индифферентная (22,4 %), 2-й ранг – конформная (19,2 %), 3-й ранг – авторитарная (18,0 %), 4-й ранг – диалогическая (15,1 %), 5-й ранг – альтероцентристская (13,0 %), 6-й ранг – манипулятивная (12,2 %). Таким образом, у государственных служащих-мужчин на 1-м и 2-м ранговых местах находятся нейтральные виды направленности в профессиональном общении: индифферентная (ориентация на решение сутобо деловых вопросов) и конформная (ориентация на построение и сохранение хороших отношений с коллегами), но уже на 3-м ранговом месте находится авторитарная неконструктивная направленность в профессиональном общении (ориентация на доминирование в общении).

У государственных служащих-женщин распространенность видов направленности в профессиональном общении имеет такую ранговую иерархию: 1-й ранг – диалогическая (26,7 %), 2-й ранг – альтероцентристская (23,7 %), 3-й ранг – индифферентная (18,2 %), 4-й ранг – конформная (13,3 %), 5-й ранг – манипулятивная (9,6 %), 6-й ранг – авторитарная (8,5 %). Таким образом, у этой категории государственных служащих на 1-м и 2-м ранговых местах находятся наиболее конструктивные виды направленности в профессиональном общении: диалогическая (ориентация на равноправное общение) и альтероцентристская (добровольная центрация на собеседнике), а на последних – 5-м и 6-м ранговых местах – неконструктивные виды направленности в профессиональном общении: манипулятивная и авторитарная.

И у государственных служащих-мужчин, и у государственных служащих-женщин доминирует средний уровень (55,9 % и 56,3 % соответственно) психологической грамотности в профессиональном общении (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,01$). Это означает, что государственные служащие имеют достаточную базу знаний относительно объективного восприятия и понимания собеседников, особенностей эффективного общения с учетом различных состояний собеседников, преодоление стереотипов в общении с коллегами и посетителями и т. п.

Вполне естественно, что показатели психологической грамотности в профессиональном общении как основы формирования психологической компетентности в профессиональном общении опережают показатели последней. У государственных служащих-мужчин доминирует средний уровень (46,1 %) психологической компетентности в профессиональном общении (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,05$). У государственных служащих-женщин также преобладает средний уровень (42,6 %) психологической компетентности в профессиональном общении (хотя эти различия не являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,05$). Это значит, что государственные служащие успешно используют знания по психологии общения в реальных ситуациях профессиональной коммуникации с коллегами и посетителями государственных учреждений.

У государственных служащих-мужчин доминирует средний уровень (49,4 %) акмеологических инвариантов профессионализма личности в профессиональном общении (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,01$). У государственных служащих-женщин преобладает высокий уровень (44,1 %) акмеологических инвариантов профессионализма личности в профессиональном общении (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,05$). Это означает, что характеристики субъекта эффективного общения (отзывчивость, доброжелательность, толерантность, искренность и т.д.) более присущи государственным служащим-женщинам, чем государственным служащим-мужчинам.

Информативным является анализ корреляционных связей между показателями психологической направленности в профессиональном общении (шкала A1), психологической грамотности в профессиональном общении (шкала A2), психологической компетентности в профессиональном общении (шкала A3) и акмеологических инвариантов профессионализма личности в профессиональном общении (шкала A4) (Таблица 2).

Таблица 2. Матрица интеркорреляций между показателями шкал A1, A2, A3 и A4 методики «Культура профессионального общения государственных служащих» у государственных служащих-мужчин

Шкала	A1	A2	A3	A4
A1	1	- 0,07	0,02	0,04
A2		1	0,48	- 0,03
A3			1	0,009
A4				1

По корреляции Пирсона при $n = 245$ на уровне значимости $p < 0,01$ существует корреляционная связь между психологической грамотностью в профессиональном общении и психологической компетентностью в профессиональном общении (0,48) как конструктами перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих.

Таблица 3. Матрица интеркорреляций между показателями шкал A1, A2, A3 и A4 методики «Культура профессионального общения государственных служащих» у государственных служащих-женщин

Шкала	A1	A2	A3	A4
A1	1	0,02	0,41	0,03
A2		1	0,13	- 0,09
A3			1	- 0,01
A4				1

По корреляции Пирсона при $n = 270$ на уровне значимости $p < 0,01$ существует корреляционная связь между направленностью в профессиональном общении государственных служащих-женщин и их психологической компетентностью в

профессиональном общении (0,41), а также на уровне значимости $p < 0,05$ – между психологической грамотностью в профессиональном общении и психологической компетентностью в профессиональном общении (0,13) как конструктами перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих. Таким образом, психологическая компетентность в профессиональном общении государственных служащих-женщин определяется не столько психологической грамотностью в профессиональном общении как основой психологической компетентности в профессиональном общении, сколько направленностью в профессиональном общении, отражающей ценности и мотивы субъекта общения.

Общий показатель по шкале «Перцептивно-аналитический компонент культуры профессионального общения государственных служащих» рассчитывается на основании всех вышеперассмотренных показателей. У государственных служащих-мужчин доминирует средний уровень (49,0 %) перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,01$). У государственных служащих-женщин также преобладает средний уровень (41,9 %) перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих (эти различия являются статистически значимыми по χ^2 -критерию при $p \leq 0,05$).

5. Заключение

Таким образом, в результате эмпирического исследования нами зафиксировано такие гендерные особенности перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих. Во-первых, у государственных служащих-мужчин доминирует средний уровень направленности в профессиональном общении, а на первых ранговых местах находятся индифферентные виды направленности – индифферентная и конформная. У государственных служащих-женщин доминирует высокий уровень направленности в профессиональном общении, а на первых ранговых местах находятся конструктивные виды направленности – диалогическая и альтероцентристская. Во-вторых, и у государственных служащих-мужчин, и у государственных служащих-женщин наиболее распространенным является средний уровень психологической грамотности в профессиональном общении и аналогичный уровень психологической компетентности в профессиональном общении. В-третьих, у государственных служащих-мужчин доминирует средний уровень акмеологических инвариантов профессионализма личности в профессиональном общении, а у государственных служащих-женщин доминирует высокий уровень акмеологических инвариантов профессионализма личности в профессиональном общении. В-четвертых, показатели психологической компетентности в профессиональном общении как конструкта, через который объективируется культура профессионального общения, у государственных служащих-мужчин коррелирует с показателями психологической грамотности в профессиональном общении. Показатели психологической компетентности в профессиональном общении у государственных служащих-женщин коррелирует с показателями направленности в профессиональном общении. В-пятых, и у государственных служащих-мужчин, и у государственных служащих-женщин доминирует средний уровень общих показателей по шкале «Перцептивно-аналитический компонент культуры профессионального общения государственных служащих».

Данные гендерные особенности перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих должны быть учтены при разработке программ по развитию культуры профессионального общения государственных служащих.

Литература

Богомолова и др., 2010 – Богомолова М.Н., Васильева И.Ю., Комарова Л.В. Технологии делового общения государственных служащих: учебное пособие. Москва: Изд-во РАГС. 2010. 158 с.

Братченко, 1997 – Братченко С.Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала: методическое пособие для школьных психологов. Псков: Изд-во ПОИПКРО. 1997. 68 с.

Деркач и др., 2003 – Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология: учебное пособие. Санкт-Петербург : Изд-во «Питер». 2003. 256 с.

Кузьминов, 1999 – Кузьминов Н.Н. Психолого-акмеологические условия и факторы эффективного развития профессиональной культуры госслужащих. Дис. канд. психол. наук. Москва. 1999. 176 с.

Лотова, 2003 – Лотова И.П. Психолого-акмеологические основы профессиональной карьеры государственных служащих. 2-е изд., перераб. и доп. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. университета, 2003. 231 с.

Улунова, 2020 – Улунова Г.Є. Психологія розвитку культури професійного спілкування державних службовців у системі безперервної освіти. Дис. д-ра психол. наук. 2020. Київ. 561 с.

Formato, 2017 – Formato F. 'Ci sono troie in giro in Parlamento che farebbero di tutto': Italian female politicians seen through a sexual lens // *Gender and Language*. 2017. 11(3): 389-414.

Friolina et al., 2017 – Friolina D.G., Endhiarto T., Pujo D. Musmedi do competence, communication, and commitment affect the civil servants performance? // *International Journal of scientific & technology research*. 2017. 6(09): 211-215.

Laužikas et al., 2019 – Laužikas M., Miliūtė A. Transformational Communication via Evolving Ethical and Moral Norms of Lithuanian Civil Service Organizations // *Entrepreneurship and Sustainability. Issues: Entrepreneurship and Sustainability Center*. 2019. 6(4): 1750-1761.

Salomonsen et al., 2016 – Salomonsen H.H., Frandsen F., Winni J. Civil Servant Involvement in the Strategic Communication of Central Government Organizations: Mediatization and Functional Politicization // *International Journal of Strategic Communication*. 10(3): 207-221.

Uluнова, 2015 – Uluнова A. Functional and structural aspects of the culture of civil servants' professional communication // *Europejskie studia humanistyczne: Państwo i Społeczeństwo*. 2015. 1: 189-201.

Yang et al., 2019 – Yang Y., Chawla N.V., Uzzi B. A network's gender composition and communication pattern predict women's leadership success // *Pnas*. 2019. 116 (6): 2033-2038.

References

Bogomolova i dr., 2010 – Bogomolova, M.N., Vasileva, I.Yu., Komarova, L.V. (2010). Tehnologii delovogo obsheniya gosudarstvennyh sluzhashih: uchebnoe posobie [Business communication technologies for civil servants]. Moskva: Izd-vo RAGS. 158 p. [in Russian]

Bratchenko, 1997. – Bratchenko, S.L. (1997). Diagnostika lichnostno-razvivayushego potentsiala: metodicheskoe posobie dlya shkolnyh psihologov [Diagnostics of personal development potential]. Pskov: Izd-vo POIPKRO. 68 p. [in Russian]

Derkach i dr., 2003 – Derkach, A.A., Zazykin, V.G. (2003). Akmeologiya : uchebnoe posobie [Acmeology]. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Piter». 256 p. [in Russian]

Formato, 2017 – Formato, F. (2017). 'Ci sono troie in giro in Parlamento che farebbero di tutto': Italian female politicians seen through a sexual lens. *Gender and Language*. 11(3): 389-414.

Friolina et al., 2017 – Friolina, D.G., Endhiarto, T., Pujo, D. (2017). Musmedi do competence, communication, and commitment affect the civil servants performance? *International Journal of scientific & technology research*. 6(09): 211-215.

Kuzminov, 1999 – Kuzminov, N.N. (1999). Psihologo-akmeologicheskie usloviya i faktory effektivnogo razvitiya professionalnoj kultury gossyluzhashih [Psychological and acmeological conditions and factors of effective development of the professional culture of civil servants]. Dis. kand. psihol. nauk. Moskva. 176 p. [in Russian]

Laužikas et al., 2019 – Laužikas, M., Miliūtė, A. (2019). Transformational Communication via Evolving Ethical and Moral Norms of Lithuanian Civil Service Organizations. *Entrepreneurship and Sustainability. Issues: Entrepreneurship and Sustainability Center*. 6(4): 1750-1761.

Lotova, 2003 – Lotova, I.P. (2003). Psihologo-akmeologicheskie osnovy professionalnoj karery gosudarstvennyh sluzhashih [Psychological and acmeological foundations of the professional career of civil servants]. 2-e izd., pererab. i dop. Tula : Izd-vo Tulsogo gos. ped. universiteta, 231 p. [in Russian]

Salomonsen et al., 2016 – Salomonsen, H.H., Frandsen, F., Winni, J. (2016). Civil Servant Involvement in the Strategic Communication of Central Government Organizations: Mediatization and Functional Politicization. *International Journal of Strategic Communication*. 10(3): 207-221.

Uluнова, 2015. – Uluнова, A. (2015). Functional and structural aspects of the culture of civil servants' professional communication. *Europejskie studia humanistyczne: Państwo i Społeczeństwo*. 1: 189-201.

Uluнова, 2020 – Uluнова, G.Ye. (2020). Psikhologiya rozvitku kul'turi profesiinogo spilkuvannya derzhavnikh sluzhbovtziv u sistemi bezperervnoï osviti [The psychology of developing civil servants' professional communication culture in the system of continuous education]. Dis. d-ra psikhol. nauk. Kiïv. 561 p. [in Ukrainian]

Yang et al., 2019. – Yang, Y., Chawla, N.V., Uzzi, B. (2019) A network's gender composition and communication pattern predict women's leadership success. *Pnas*. 116(6): 2033-2038.

Гендерные особенности перцептивно-аналитического компонента культуры профессионального общения государственных служащих

Анна Евгеньевна Улунова ^{a,*}, Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a,b}, Даяна Игоревна Тарасюк ^a

^a Сумской государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

Аннотация. Статья посвящена проблеме гендерных особенностей перцептивно-аналитического функционального компонента культуры профессионального общения государственных служащих. На основании результатов эмпирического исследования установлено, что при аналитическом восприятии и познании коллег, посетителей и себя как субъектов профессионального общения наиболее существенными отличиями у государственных служащих-мужчин и государственных служащих-женщин является направленность в профессиональном общении и акмеологические инварианты профессионализма личности в профессиональном общении. Показатели психологической компетентности у государственных служащих-мужчин коррелируют с показателями психологической грамотности в профессиональном общении, а у государственных служащих-женщин – с показателями направленности в профессиональном общении. Такие конструкторы, как психологическая грамотность в профессиональном общении и психологическая компетентность в профессиональном общении, а также общие показатели по шкале «Перцептивно-аналитический компонент культуры профессионального общения государственных служащих» не имеют отличий у государственных служащих-мужчин и государственных служащих-женщин.

Ключевые слова: общение, культура, перцептивно-аналитический компонент, гендер, государственные служащие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: uluanna.ua@gmail.com (А. Улунова)